

Психологическая публицистика

© 1997 г. В.Ф. Пирожков

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ

Сказать, что профессия психолога стала сегодня модной, — значит не сказать ничего. На вновь открываемые факультеты психологии педагогических университетов и частных коммерческих вузов обрушился шквал абитуриентов, желающих "учиться на психолога". Любой руководитель государственного учреждения или частной предпринимательской структуры стремится заполучить дипломированного психолога для поддержки своего престижа. И считает, что психологическая служба тем самым создана, хотя это далеко не так. Принятый психолог может решать только частные задачи, а ведь собственно служба представляет собой систему взаимосвязанных психологических подразделений (структурных элементов), эффективность работы которых зависит от соблюдения ряда принципиальных условий.

Во-первых, любой руководитель, решивший создать в своем учреждении (организации, районе, городе) психологическую службу, должен быть сам психологически грамотным, знать возможности службы и уметь ставить перед ней реальные задачи, своевременно решать возникающие проблемы. Приведем пример по аналогии.

Общевойсковой командир сам не стреляет из артиллерийского орудия, не садится за штурвал вертолета, в кабину танка или бронетранспортера, но от него требуется знание возможностей приданных ему специальных подразделений и умение грамотно использовать их в бою. Именно этому учат его в военной академии. Поэтому дальновидные руководители регионов, государственных и частных учреждений не только организуют "ликбез" своих подчиненных по проблемам психологической подготовки, но и сами "проходят" соответствующие 2-3-месячные курсы.

...Когда я только становился на ноги как профессиональный психолог (в 1962 г. обучался в адъюнктуре ВПА им. В.И. Ленина на кафедре военной психологии и педагогики), меня пригласили провести занятия по военной психологии с офицерами руководящего звена в известную дивизию имени Ф.Э. Дзержинского. На первое же занятие пришел и сам командир дивизии генерал П.Е. Корженко. Как обычно бывало при посещении лекций-обязаловок, некоторые офицеры занимались в процессе беседы решением своих неотложных задач. Внимательно наблюдавший за аудиторией сидевший сзади генерал вежливо остановил меня и обратился к аудитории примерно с такими словами: "Товарищи офицеры! Хочу довести до Вашего сведения, что майор Пирожков, проводящий с нами занятия ("с нами" он специально подчеркнул), начал свою офицерскую службу лейтенантом в моем полку на Украине. И я его обучал всем премудростям военной науки, посылал на выполнение боевых заданий по борьбе с бандитизмом. Теперь роли поменялись. Он меня учит. И я этого не стыжусь, а горжусь своим бывшим подчиненным. Я думаю, что присутствие командира дивизии на этих занятиях что-то для Вас должно означать". В течение всего времени, пока читался курс, генерал не пропустил ни одного занятия. Никого из подчиненных не

надо было зазывать на лекции и практические занятия. В последующем этот факт отношения руководителя к психологической подготовке своих подчиненных был описан в газете "Красная звезда"...

В современных условиях убеждать руководителей в значимости и необходимости психологических знаний для решения насущных государственных, образовательных, экономических, политических и других проблем не приходится. Сегодня уже недостаточно лишь говорить об ответственности руководителя, прежде всего, правовой. Сегодня есть смысл говорить и об умении правильно и грамотно использовать специалистов-психологов, поскольку последние могут осуществлять воздействие на массы, которое по своей сути превращается в ничем не ограниченное психологическое насилие над волей людей, их правом свободного волеизлияния.

Во-вторых, лица, с которыми взаимодействуют в своей повседневной работе практические психологи, также должны иметь соответствующий уровень психологической подготовленности. Это касается не только психологов в армии. Например, трудно будет практическому психологу работать в школе, ПТУ или другом образовательном учреждении, где преподаватели, мастера производственного обучения не владеют даже началами психологической грамотности. Ведь у таких работников не сформирована внутренняя установка на использование практических рекомендаций школьного психолога. Последний дает рекомендации классному руководителю (у которой он сам когда-то учился) по работе с тем или иным учащимся, а в ответ слышит: "Я знаю, что делать, 25 лет работаю классным руководителем, а Вы только начинаете свою деятельность". Да еще и попрекнет, что "когда-то я и Вас учила". Суждение, что "каждый учитель сам себе психолог", не только ошибочно, но и вредно. Едва ли учительница, когда-то учившая психолога, может пренебречь советами его друга-врача из поликлиники — по лечению заболевания. Необоснованное убеждение в том, что каждый педагог еще и психолог, является источником недоразумений между этими специалистами. Еще один узел проблем между практическим психологом и социальным педагогом: кто и с кем должен работать, у кого какие полномочия. Если заранее не разрешить эту проблему, то работа школьного психолога будет дезорганизована.

В-третьих, практические психологи должны адаптироваться к конкретным условиям своей деятельности, пройти соответствующую специализацию.

Естественно, условия работы и объекты психологического изучения и воздействия будут значительно различаться у психологов в средней школе, детском саду, во вспомогательной школе, детском доме, школе-интернате, спецшколе для несовершеннолетних правонарушителей, ПТУ, спецприюте, центре социальной реабилитации, на телефоне экстренной психологической помощи, в семейной консультации и медучреждениях (психоневрологических диспансерах и др.); а также у психологов, работающих с престарелыми, лицами, участвовавшими в разрешении межнациональных конфликтов, пострадавшими в чрезвычайных ситуациях (при землетрясениях, наводнениях, пожарах, радиоактивных облучениях) и т.п.

Опыт уже имеется. Ряд городов Подмосковья на коммерческих договорных основах готовит на факультетах психологии практических психологов требуемого им профиля. Так, например, администрация г. Красноармейска изыскала средства для подготовки 12 психологов на факультете психологии Института молодежи. Обучаясь за счет средств города, они по договору с администрацией обязаны отработать определенное время в указанных учреждениях.

В целом надо отметить, что современный уровень подготовки практических психологов хотя и отвечает установленным Министерством образования стандартам, но еще не всегда — современным требованиям. И это естественно. При массовой, а не "штучной" подготовке практических психологов, не всегда удастся достичь соответствующего уровня. Как говорит пословица: "При широком разливе неизбежно мелководье". Это объясняется не только кадровым профессорско-преподавательским составом на факультетах психологии, но и сложившимися традициями. Если

посмотреть зачетные книжки студентов факультетов психологии МГУ, Института молодежи, МПГУ, Московского педагогического открытого университета и др., то встретишь фамилии одних и тех же профессоров и доцентов (вынужденных от безденежья "ходить по кругу"), но уровень знаний у студентов факультета МГУ будет на порядок выше их коллег в других вузах. Выход из этой ситуации – ранняя и углубленная специализация психологов-практиков. Особенно это значимо для подготовки психолога, главная задача которого – работа с трудными подростками и несовершеннолетними правонарушителями, а также организация и проведение судебно-психологических экспертиз.

...Мне приходится принимать участие в работе двух комиссий по делам несовершеннолетних Подмосквья. На заседании одной из них обсуждалась учащаяся 9-го класса О. До 8-го класса это была прилежная и дисциплинированная девочка, позднее она стала систематически прогуливать, уходить с уроков. В ходе заседания директор школы, его заместитель, завуч, классный руководитель дали О. отрицательную характеристику ("упорно молчит", "не объясняет причины прогулов", "сторонится учащихся класса" и т.п.). На вопросы членов комиссии она не отвечала. Мама, пытаясь "спасти" девочку, сказала, что у нее постоянно болит живот, а на днях она пришла домой с синяком на боку. Школьный психолог заметила, что ребята грозят "бросить ее под трамвай за индивидуализм, но у нас в городе и трамвая-то нет". Выслушав такие пояснения, я предложил отложить обсуждение поведения О., дать мне возможность поговорить с ней наедине. И спросил ее "в лоб": "Кто домогается от тебя интимной близости и угрожает групповым изнасилованием, кто избивает за неподчинение?". Она расплакалась и спросила: "Откуда вы это узнали?". Я ей пояснил, что секретов здесь никаких нет. "Бросить под трамвай" на уголовном жаргоне и подростковом сленге означает групповое изнасилование. А поскольку она не идет на интимную близость, то ее избивают приемами каратэ по животу, чтобы не было синяков; но как-то притеснители просчитались и оставили синяки на теле. А имидж индивидуалистки ей создают школьные подруги, которые уже прошли "школу" группового секса. О. сказала, что это у них называется "смотреть кино", когда одна пара совершает половой акт, а другие наблюдают.

В дальнейшем мы с ней обсудили, как быть дальше. Написать заявление в милицию нельзя, поскольку в подростковой среде можно прослыть за стукача. Поэтому она и пыталась с помощью прогулов избежать потери своей чести и личного достоинства. Порешили на том, что поскольку мама видела синяки, то пусть ведет ее освидетельствовать сегодня же к врачу и напишет заявление в милицию. Так и было сделано, а обсуждение О. на комиссии было прекращено.

С руководителями учебного заведения, школьным психологом был совершен "разбор полетов". Их внимание было обращено на изучение не только особенностей личности того или иного школьника, но и системы сложившихся в школе межличностных отношений учащихся, специфики подростковой, в значительной мере криминализированной субкультуры. Хотя у педагогов и школьного психолога была моя книга "Законы преступного мира молодежи. Криминальная субкультура", они не заглянули туда, считая, что эта книга "не про них", а для милиции. А ведь там они нашли бы советы в помощь О. В целом же, как видно, читаемый сегодня для психологов и педагогов курс под названием "Психология отклоняющегося поведения" едва ли достаточен и правильно сориентирован по содержанию, и не вернее было бы назвать его "Психология подростковой преступности".

Теперь несколько слов о судебно-психологической экспертизе. Как-то на последней сессии выпускница курсов послевузовской подготовки психологов обратилась ко мне за консультацией. Следователь предписал ей провести судебно-психологическую экспертизу на предмет объективности восприятия 7-летней девочки, наблюдавшей из окна, как группа подвыпивших лиц убивала ее отца. Адвокат, защищавший человека, нанесшего роковой удар, от которого отец упал замертво, настаивал на том, что показаниям девочки нельзя доверять, поскольку она могла это нафантазировать.

Суть дела такова. Отец, придя с работы, сел с девочкой за стол обедать. В это время на улице около магазина началась драка, слышались крики. Отец вышел из дома, чтобы утихомирить известных ему завсегдатаев винного отдела. Дочь подошла к окну и стала наблюдать. Отец попытался разнять дерущихся. Тогда они, как это бывает в пьяной компании, набросились на миротворца. Мужчина с лысиной на голове нанес отцу удар железной трубой по голове, от чего тот упал. Подросевшая милиция задержала разбежавшуюся "компажку". Все они валили вину на отца и друг на друга, выгораживая себя. Эксперту дан был совет: попросить следователя смоделировать ситуацию с помощью "артистов", подобрав по описаниям девочки и имеющимся у следователя данным соответствующих лиц; всю ситуацию записать на видеомagneтофон. Психолог должна была участвовать в ходе судебного заседания при допросе девочки в качестве единственной свидетельницы.

Когда на суде был прокручен видеоролик, "лысый дядя" сказал: "Гражданин судья, так оно и было". Необходимость допроса ребенка, который, естественно, еще более травмировал бы его психику, сама собой отпала, поскольку обвиняемые не настаивали на этом.

Практические психологи в последнее время стали широко привлекаться к проведению судебно-психологических экспертиз. В соответствии с требованиями уголовно-процессуального и гражданско-процессуального кодекса, следователь и суд для установления истины по делу могут привлекать в качестве экспертов специалистов, обладающих познаниями в области науки, искусства, ремесла. Представителем психологической науки и является практический психолог. Отказаться от проведения судебно-психологической экспертизы он не может, это – его гражданский и профессиональный долг. Единственное, что он может, – в трудных случаях требовать проведения комплексной судебно-психологической и судебно-психиатрической, или судебно-психологической и инженерно-технической экспертиз, например, при авариях и т.п.

Что касается уголовных дел с участием несовершеннолетних, то судебно-психологическая экспертиза обязательна, например, по фактам групповых и одиночных изнасилований несовершеннолетних, их суицидов и т.п. В гражданском процессе она, например, назначается при разводах супругов, имеющих несовершеннолетних детей (для защиты прав последних и др.).

К сожалению, практические психологи, выступающие в качестве судебных экспертов, нередко выходят за рамки своих полномочий, поскольку их "этому не учили". Что можно посоветовать психологу-эксперту? Прежде всего, четко уяснить суть вопросов, поставленных перед ним следователем или судом, и пределы своей компетенции. Он должен исходить из того, что в уголовном процессе каждый его участник имеет только одну функцию: следователь и судья не могут быть экспертами, эксперт не может быть судьей или следователем, т.е. не имеет права вменять кому-то в вину совершенное деяние. Его задача – исследовать те или иные психологические феномены, и только. Эксперт не имеет права давать не только правовую (юридическую) оценку совершенному деянию, но и нравственную характеристику тем или иным лицам, участвующим в уголовном процессе. Он раскрывает особенности функционирования психики исследуемых (их восприятия, мышления, памяти, моторной сферы, мотивации), специфику взаимоотношений в преступной группе, групповую иерархию, лидерство, подчиненность и т.п.

Психолог-эксперт должен руководствоваться строго гносеологическим принципом, в соответствии с которым делать выводы на основе теоретических положений "большой психологической науки", а не скатываться на модные позиции экстрасенсов, парапсихологов и других околonaучных деятелей. Он должен использовать только методы, прошедшие апробацию, осторожно относиться к "новоиспеченным" тестовым методикам, не проверенным на достоверность, учитывать не только возраст, но и национальные и региональные особенности поведения подростков. Это не значит ограничить методические возможности психолога-эксперта. Вспомним, как молодой

еще А.Р. Лурия с помощью методики сопряженных реакций "вычислил" из подозреваемых грабителя и убийцу, спрятавшего орудие преступления в куче угля.

В-четвертых, профессия практического психолога – "вредная" по условиям труда. Дело в том, что практик, особенно работающий в сфере оказания психологической помощи и поддержки, консультирования, не является сторонним наблюдателем чужих бед, да он и не в состоянии всегда сохранять дистанцию. Нередко он не только должен войти в психологический контакт с человеком, испытывающим душевные мучения, но и как бы взять груз его переживаний на себя.

Вот пример из практики. Наша соискательница, слушательница из системы службы экстренной телефонной психологической помощи, за один только месяц приняла шесть обращений подростков (связанных с фактами изнасилования, неурядицами в семье, гомосексуальными притязаниями друзей и др.) суицидального характера. Спасти подростка в этих архисложных ситуациях от рокового шага – значит, войти в его образ. Мозг переходит на работу в "штурмовом" варианте. Главное, что надо сделать: пусть подросток отложит исполнение своего решения и обратится повторно в такое-то время, дать ему одуматься. Вариантов решения здесь много, но важно вызвать желание подростка "прийти на следующую встречу по телефону", дав понять, что его звонка будут ждать. Чтобы эта "встреча" не сорвалась (а это возможно, поскольку телефон для психологических консультаций бывает постоянно занят), необходим другой, резервный номер, эксплуатируемый только в экстренных случаях. В дальнейшем психолог-консультант поведала мне о пережитых ею шоках, существенном изменении состояния здоровья, возникновении напряженности в семье, поскольку ей долго не удавалось снять груз психологической зависимости от клиентов после дежурства. Другой практический психолог в ситуации, связанной с угрозой суицида, вынужден был отложить свой очередной отпуск, чтобы выйти на связь со своими абонентами, но не встретил понимания ни со стороны семьи, ни руководства, считавших это блажью: пусть, мол, к другому консультанту обращаются, он и ответит. Некоторым консультируемым мною практическим психологам в системе службы экстренной психологической телефонной помощи удается перевести абонентов (не раскрывая своего инкогнито) на очное консультирование со специалистами-невропатологами, психиатрами и т.п. Проблема оказания психологической помощи самим психологам решается неудовлетворительно, слабо соблюдаются правила "психологической безопасности".

Известно изречение: "Врач, исцелился сам". Но даже врач не занимается самолечением, а обращается к более квалифицированным коллегам. Практическому же психологу пока можно рекомендовать только "самолечение". А правильно ли оставлять психолога наедине со своими "болячками"?

Еще одна печальная особенность профессии практического психолога: большая психологическая нагрузка отражается на его внутрисемейных отношениях. Как показало наше исследование, возникновение "напряженки" в семье, нарастание внутрисемейных конфликтов становится определенной закономерностью.

На наш взгляд, это происходит по нескольким причинам. Проанализировав мотивацию получения специальности "практический психолог", можно выявить группу лиц, стремящихся с помощью данной профессии решить свои внутриличностные проблемы, короче говоря, компенсировать какие-либо имеющиеся (или иллюзорно представляемые себе) недостатки. Представители этой группы отличаются большой ранимостью, высокочувствительны к чужой боли. Поэтому большая психологическая нагрузка способна выбить из колеи их самих. Надо иметь в виду и то, что члена семьи (жену, мужа), являющегося психологом, его близкие не воспринимают как профессионала (он прежде всего муж или жена, сын или дочь). Существует определенный психологический барьер к его знаниям и опыту, помогающим другим, но не членам семьи. Поэтому, не сумевший оставить за порогом дома свои проблемы, возвращаясь с работы, не имеет возможности "сбросить" их дома без ущерба для семьи; семья же "в упор" не видит его трудностей. Бывает, что психологическая разрядка происходит

по тому же механизму, который наблюдается у всех лиц, работающих с людьми и компенсирующих свои промахи и ошибки на работе, в кругу семьи. По-видимому, нужна направленная работа с семьями практических психологов.

Наконец, попадают среди практических психологов и люди, оказавшиеся в данной сфере деятельности случайно, которым противопоказана эта гуманная профессия. Значит, требуется более тщательный отбор лиц для обучения практической психологии. Здесь должны быть иные требования, чем к психологу-теоретику.

Все перечисленные "вредности" профессии практического психолога или значительная их часть могут быть преодолены при условии создания службы психологической помощи им самим.

В-пятых, многое негативное в работе практических психологов успешно решается там, где функционирует механизм *супервизорства* – сопровождения профессиональной деятельности практических психологов любого структурного элемента психологической службы. Для этого необходимо закрепление практических психологов города, района (организации, учреждения) на договорных началах за тем или иным факультетом, кафедрой психологии или каким-либо подразделением научно-исследовательского института. Т.е. у каждого практического психолога должна быть "служба скорой психологической помощи", куда он мог бы обратиться в экстренных случаях.

Например, у местных руководителей возникли сомнения в целесообразности рекомендаций психолога. Он приглашает эксперта со "своей" кафедры (факультета, лаборатории). В этом нет ничего зазорного. В медицинской практике лечащий врач в сомнительных случаях созывает консилиум, чтобы определить тактику лечения больного. Такие "консилиумы" для психологов служили бы средством (механизмом) их защиты от необоснованных притязаний со стороны местного начальства, да и они бы не варились в собственном соку, а приобщались к большой науке, участвуя в семинарах на кафедрах и в лабораториях, совершенствуясь профессионально.

Чтобы обеспечить такую помощь психологам, администрация ряда регионов открывает на договорных началах филиалы лабораторий, научных учреждений на базе своих практических подразделений, и это себя оправдывает. Уже не редкость, когда сотрудники подобных филиалов сами защищают диссертации по родственным дисциплинам, что облегчает дальнейшие контакты с практическими психологами данного города (региона). Ряд таких диссертаций защищен в специализированном совете Института развития личности РАО. (Например, защита кандидатской диссертации директором Канского детского дома Красноярского края, выполненной под руководством академика РАО В.С. Мухиной.)

В-шестых, создание полной, "законченной" системы психологической службы города (региона) требует больших финансовых затрат, на которые местная администрация не всегда способна. Поэтому на местах целесообразно разработать полную структуру психологической службы в качестве проекта и наметить этапы ее реализации в зависимости от финансовых и материальных возможностей, определив, какие структурные элементы должны развертываться в первую очередь, а какие – во вторую и третью. В соответствии с этим надо определять и стратегию подготовки кадров практических психологов.

Важна очередность развертывания структурных элементов психологической службы по ведомствам:

а) образования. В школах, дошкольных учреждениях, ПТУ, детских домах, вспомогательных школах, центрах социальной реабилитации, спецшколах и спецПТУ для несовершеннолетних правонарушителей;

б) отделов молодежи. Экстренная телефонная психологическая помощь, работа с трудными подростками и молодежными формированиями;

в) социальной защиты. В социальных приютах, домах временного пребывания подростков, ушедших из дома, в домах и приютах для престарелых; работа с инвалидами, неблагополучными семьями и т.д.;

г) органов внутренних дел. В приемниках-распределителях для детей и несовершеннолетних, следственных изоляторах, работа с неблагополучными семьями, обеспечение работы отделов профилактики преступности несовершеннолетних;

д) райвоенкоматов. Работа по социальной и психологической реабилитации лиц, участвовавших в военных межнациональных конфликтах (афганцев, приднестровцев, участников боев в Чечне и др.);

е) подразделений Министерства по чрезвычайным ситуациям. Психологическая помощь и поддержка лицам, оказавшимся в зонах чрезвычайных ситуаций, переживших землетрясения, наводнения, теракты, оказавшихся заложниками бандитов и др.;

ж) здравоохранения. Оказание психологической помощи и поддержки неизлечимо больным лицам, работа в психиатрических больницах и психоневрологических диспансерах и т.п.

Решение ряда проблем значительно облегчится, если некоторые структурные элементы психологической службы будут объединены в комплексы. Это относится прежде всего к работе военкоматов с бывшими участниками горячих точек, работы подразделений МЧС с лицами, побывавшими в чрезвычайных ситуациях и пережившими различные катастрофы. Однако есть здесь серьезное препятствие: создаваемые структурные элементы психологической службы финансируются по разным статьям госбюджета, что нередко служит причиной конфликтов и напряженности в отношениях между руководителями различных ведомств на местах. Например, не всегда обеспечивается деловое взаимодействие в работе структурных элементов психологической службы образования и социальной защиты, когда каждый из заместителей главы администрации, курирующий эти службы, "тянет одеяло на себя"...

Действительно, социально неблагополучная семья или подросток-правонарушитель являются одновременно объектами органов образования и социальной защиты. Как определить границы их компетентности? Выход из такой ситуации можно, наверное, найти, если создаваемая психологическая служба города (района) станет комплексной и независимо от источников финансирования будет подчинена одному из первых заместителей главы администрации. Обретя свою самостоятельность (как органы здравоохранения, образования, социальной защиты и др.), она начнет выполнять их заявки на обслуживание.

Коснемся еще одного наболевшего вопроса функционирования психологической службы: взаимного общения профессионалов. Казалось бы, здесь не должно быть никаких проблем, поскольку существует Российское психологическое общество (РПО), различные ассоциации психологов по направлениям практической деятельности.

Но РПО состоит из отделений, создаваемых обычно в крупных городах. Его влияние не достигает районных центров и небольших городов, поселков. О созываемых очередных съездах и научно-практических конференциях практические психологи в таких местах проживания узнают случайно. Решение задачи видится в лучшем информационном обеспечении практических психологов, создании первичных организаций региональных отделений РПО, в более широком вовлечении практических психологов в создаваемые ассоциации по направлениям их деятельности. С этих позиций интересно и поучительно было бы изучить и использовать имевшийся до революции опыт работы соответствующих обществ земских врачей, помогавших последним всегда находиться в профессиональной форме, как бы ни были они оторваны от крупных административных и научных центров.

Психологическая служба – дело новое. И, как в любом новом деле, здесь много "ухабов"... Важно их вовремя увидеть и не допустить непоправимых и ненужных ошибок. Одна из главных – завышенные ожидания, а отсюда – возложение на службу задач, которые она не в состоянии решить. А дальше следует ее дискредитация, хотя мы это "уже проходили", если вспомнить попытки создания психологической службы в 20-х гг. (Педология и последующий ее разгром, нанесший непоправимый вред

развитию психологической науки в стране и обеспечивший ее отставание от психологической науки за рубежом на несколько десятилетий.)

Здесь мы рассмотрели лишь проблемы государственной системы психологической службы. Следует иметь в виду, что в настоящее время идет значительный отток практических психологов в частные, коммерческие, предпринимательские структуры, различные рекламные агентства, частные медицинские, охранные, сыскные учреждения и т.п., куда их привлекают высокие заработки, лучшие условия работы.

Но это здоровая конкуренция. Хуже, когда из-за материальных благ практические психологи уходят в криминальные структуры, обеспечивая "эффективность" их деятельности. Известны факты, когда криминальные авторитеты приглашали к себе специалистов (используя их открыто или "втемную") не только по праву и экономике, но и психологии. Стоит задуматься об опасности такого "использования" психологов-практиков, и одной из задач психологической службы является недопущение подобной ситуации.